ТЕРРОРИЗМ И ОБЩЕСТВО

К.С. ГРИГОРЬЕВА

Теракт с захватом заложников (Обнаружение институционализированного конфликта на “этой стороне”)

Целенаправленное изучение терроризма насчитывает около 50 лет. Уже в 1960-х гг. в западной научной литературе начинают появляться работы, где терроризм рассматривается как отдельная исследовательская тема. Эти исследования могут быть условно разделены на два этапа. Первый, охватывая период с начала 60-х до середины 70-х гг. XX в., выделяет терроризм в отдельную научную проблему и формирует обширную академическую программу по его изучению, связанную с именами таких авторов, как Б. Крозье, Р. Арон, Т.П. Торнтон, Э.В. Вальтер, Т.Р. Гарр [Crozier, 1960; Aron, 1962; Thornton, 1964; Walter, 1969; Gurr, 1970]. В ее рамках как основополагающие рассматриваются вопросы о том, что такое терроризм, по каким причинам он возникает, каковы его методы и цели, какие последствия он может иметь. А ожидаемым итогом реализации академической программы признается создание общей теории терроризма.

Следующий этап начинается со второй половины 1970-х гг. и связан с появлением новой, практико-ориентированной программы, предложенной в 1977 г. американским историком и политологом У. Лакером, где тот подвергает критике академический подход к исследованию терроризма. Терроризм, полагает он, явление настолько разнобразное, что создать для него общую теорию невозможно, а претендующие на это работы приверженцев академического подхода не только не описывают все аспекты проблемы, но страдают чрезмерной абстрактностью и никак не применимы на практике. Поэтому, по мнению американского исследователя, академическую программу должна заменить программа практико-ориентированная. И здесь вопросы о генезисе и определении терроризма снимаются как неразрешимые, на первый план выходит не изучение терроризма “вообще”, а исследование конкретных террористических групп и движений. Желательным же результатом реализации данной программы признается выработка практических рекомендаций по борьбе с различными видами терроризма [Lagueur, 1977].

Прагматичный подход, предложенный Лакером и воспринятый с энтузиазмом, быстро потеснил предшествующий ему подход академический. В итоге со второй половины 70-х гг. XX в. на Западе можно выделить уже два основных направления в изучении терроризма: академическое и практико-ориентированное.

Отечественные ученые обратили внимание на проблему терроризма несколько позже, чем их западные коллеги. Публикации, посвященные этой теме, начинают последовательно выходить в СССР только с 80-х гг. XX в. (см., к примеру, [Кемов, Москвин, Павлов, 1982; Тепер, Чубинский, 1983; Непесов, Сапрыков, 1984; Моджорян, 1986; Витюк, Эфилов, 1987]). При этом изучение терроризма отечественными исследователями также можно разделить на два больших этапа, рубежом которых служат 90-е гг. XX в.

Первый этап характеризуется выработкой единой концепции терроризма, которой вплоть до начала 1990-х гг. придерживались все советские авторы. В ее рамках, в соответствии с трактовкой В. Ленина, главной отличительной чертой терроризма признается его отдаленность от массовой борьбы, а сам он рассматривается как авантюристическая стратегия “мелкобуржуазных революционеров” [Непесов, Сапрыков, 1984]. Основные причины терроризма усматриваются в “углубляющемся экономическом и морально-политическом кризисе капитализма, в обострении всех его антагонистических противоречий” [Иванов, Иванов, 1983, с. 14].

Второй этап совпал со временем распада Советского Союза и способствовал разрушению единой трактовки терроризма. С 90-х гг. XX в., отказавшись от единообразной советской концепции, отечественные ученые перенимают западные подходы к изучению данной темы. Причем наибольшую популярность, так же как и на Западе, достаточно быстро приобретает практико-ориентированное направление (см., к примеру, [Борьба... 2004; Организационно-правовые... 2006; Яновский, Шульгин, 2007]). Вместе с тем появляются работы, выполненные в рамках академического подхода (см. [Современный... 2000; Терроризм... 2003]), а также исследования, где рассматриваются более узкие проблемы (например, [Будницкий, 2004; Терроризм... 2005; Поликанов, 2006; Латов, 2007]).

На сегодняшний день и на Западе, и в России уже изданы сотни разнообразных исследований, посвященных террористической проблематике. Однако увеличение количества публикаций по терроризму автоматически не означает успешной разработки этой проблемы. Несмотря на неослабевающий интерес, многие авторитетные исследователи признают, что изучение терроризма продвигается слишком медленно. В частности, о неудовлетворительном состоянии этой области исследований неоднократно говорили такие крупные западные террологи, как У. Лакер, А. Шмид, П. Вилкинсон, А. Мерари. Эта проблема не раз поднималась и российскими исследователями.

Почему изучение феномена терроризма продвигается столь медленно? Исследователи склонны связывать это, во-первых, с многообразием понятия “терроризм”, во-вторых, с тем, что новейший эмпирический материал по теме, как правило, труднодоступен. Признавая наличие вышеперечисленных препятствий, нельзя, однако, согласиться с тем, что они являются основополагающими. Проблема медленной разработки террористической тематики несколько шире и связана со сложившимися способами исследования терроризма.

В настоящее время, как следует из вышесказанного, можно выделить две основные конкурирующие программы изучения терроризма: *академическую* и *практико-ориентированную*. Проанализирую их с точки зрения возможностей, способствующих дальнейшему исследованию терроризма.

Работы академического направления складываются в классическую позитивистскую программу, предполагающую поиск “универсальных корней” и “точных определений”. Ученые, работающие в ее рамках, неизменно сталкиваются с затруднениями, связанными с невозможностью выявить универсальные причины, всеобъемлющую дефиницию и подходящее для всех случаев описание терроризма. При этом приверженцы названного направления, стремясь к созданию общей теории терроризма, склонны оперировать в своих рассуждениях достаточно абстрактными категориями. В результате создаваемые ими схемы зачастую не только не отвечают требованиям универсальности, но и не обозначают ничего конкретного. Таким образом, академическая программа, стимулируя ученого к созданию оригинальных аналитических

конструкций, не способствует детальному исследованию конкретного эмпирического материала.

Практико-ориентированная программа указывает на абстрактность и неразрешимость вопросов, возникающих в рамках академического подхода. Она устраняет те из них, на которые нельзя найти исчерпывающий ответ, а именно: “что такое терроризм?” и “почему терроризм возникает?”. Вместо этого программа предлагает рассматривать следующие вопросы: какой терроризм существует? какие террористические движения действуют? каковы их цели и методы? как с ними бороться? Однако, переводя рассмотрение терроризма из концептуальной плоскости в описательную, исследователи, работающие в рамках практико-ориентированной программы, сталкиваются с малой доступностью информации о современных террористических движениях. Вот почему в их изысканиях, с одной стороны, ощущается отсутствие концептуального осмысления терроризма, а с другой – скудость свежей фактической информации. Таким образом, выбирая любую из двух программ, исследователи сталкиваются со значительными сложностями, которые не позволяют серьезно продвинуться в изучении терроризма.

Возникает вопрос: *можно ли ослабить существующие затруднения в исследовании терроризма?* Думаю, это возможно, если рассматривать проблему терроризма на другом уровне. И здесь необходимо, во-первых, ставить вопросы об определении и причинах терроризма применительно к конкретным террористическим движениям, признавая, что ответы на них не носят универсального характера, а соответствуют лишь конкретному объекту изучения. И во-вторых, надо отказаться от таких масштабных и слабоподающихся эмпирическому исследованию категорий, как “общество” и “государство”, и перейти к другим, более определенным. Последняя процедура поможет смягчить проблему малой доступности эмпирического материала о терроризме, поскольку откроет перед исследователем множество “пропущенных” и на данный момент практически не изученных эмпирических полей.

Так, взяв за единицу исследования не аморфную сущность “общество”, а различные группы, его составляющие, исследователь обнаружит большое количество социопрофессиональных объединений, затронутых терроризмом. Жертвы террористических актов и их близкие; представители силовых структур, призванные бороться с терроризмом; журналисты, освещающие теракты; общественные наблюдатели, озабоченные проблемой терроризма, – это лишь часть групп, оказывающихся в ситуации, связанной с тем или иным конкретным терактом, а значит, в первую очередь, подлежащих изучению. Только две из них – журналисты и жертвы террористических актов – более или менее постоянно привлекали внимание исследователей. Но и они изучались исключительно однобоко: журналисты – в связи с распространенным тезисом о взаимовыгодной связи террористов и СМИ, жертвы – с точки зрения нанесенной им психологической травмы. В то время как для более глубокого понимания проблемы требуется всестороннее изучение групп, затронутых терроризмом. В частности, необходимо исследовать стратегии и правила поведения, принятые в отдельных группах; их представления о терроризме; и, что особенно важно, их взаимоотношения.

“Государство”, или “власти”, также следовало бы рассматривать не как абстрактные сущности, а как социопрофессиональные объединения людей, наделенные властными полномочиями. Заменяя абстрактные категории “общество” и “государство” на категории, подразумевающие определенные группы людей, можно было бы достичь гораздо более полного и детального знания о проблеме терроризма, нежели существующее сегодня.

Опыт “нового” исследования терроризма

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, выполнено в рамках изложенного выше подхода. Оно строится на анализе глубинных интервью преимущественно с участниками крупнейших российских терактов 1990–2000-х гг. с захватом заложников (в Буденновске, Кизляре, Москве и Беслане). Было проведено

81 интервью, продолжительностью от получаса до трех часов каждое. Опрашивались представители пяти групп–участниц терактов: пострадавшие от терактов; представители силовых структур; сотрудники МЧС; переговорщики; журналисты. Первоначально предполагалось также исследование такой группы, как террористы. Однако впоследствии от этого решено было отказаться, поскольку выяснилось, что взаимоотношения групп–участниц теракта “на этой стороне” заслуживают отдельного, детального изучения.

Дело в том, что обычно теракты воспринимаются как выражение конфликта между террористами и объектом их нападения. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что, помимо этого очевидного столкновения, существует и другой, не менее острый конфликт: конфликт между участниками теракта “на этой стороне”. Чаще всего он остается незамеченным, никак не анализируется и не изучается, хотя играет не меньшую, а возможно, даже большую роль, нежели столкновение между террористами и сообществом, подвергшимся атаке. Ведь именно реакция групп, принадлежащих данному сообществу, определяет те процессы и изменения, которые возникают в нем в ответ на нападение.

В связи с решением сосредоточиться на изучении конфликта “на этой стороне”, в исследовании поставлены следующие вопросы: почему действия одних групп–участниц теракта вызывают недовольство других групп? каковы механизмы возникновения конфликта “на этой стороне”? всегда ли он возникает? Анализ проводился в два этапа. Во-первых, исследовалась критика, адресованная группам–участницам теракта, и их ответ на эту критику. Во-вторых, рассматривалось взаимодействие между участниками теракта.

Итак, на первом этапе анализа рассматривалась *критика, обращенная к пяти названным выше группам–участницам теракта*. Разбирались следующие обвинения: в “стокгольском синдроме” у заложников; в непрофессионализме военных; в бездействии сотрудников служб спасения; в желании сделать “PR на крови” в адрес переговорщиков; журналистов в пособничестве террористам. Анализ был двусторонним. Во-первых, объектом изучения стали сами обвинения: разбирался ход критического рассуждения и выявлялись вызвавшие его действия участников; во-вторых, исследовались ответы представителей критикуемых групп с точки зрения их объяснения, почему они ведут себя таким образом, что навлекают критику. Для того чтобы было понятно, как именно происходил разбор, в качестве примера кратко обрисую ход анализа обвинений в адрес двух групп: заложников и сотрудников МЧС.

“Стокгольмский синдром” заложников. Теория “стокгольмского синдрома” достаточно широко известна. Она претендует на объяснение того факта, что люди, оказавшись в заложниках, нередко демонстрируют терпимость к террористам и враждебность к участникам операции по освобождению. В рамках теории “стокгольмского синдрома” такое поведение трактуется или как один из видов психологической защиты человека, попавшего в критическую ситуацию, или как кратковременное психологическое расстройство. Иными словами, описанное поведение признается ненормальным. Со своей стороны, бывшие заложники не отрицают, что недолюбливают участников операции по освобождению, зачастую стараются оказать содействие террористам и иногда вполне положительно о них отзываються. При этом заложники не соглашаются с тем, что такое поведение является отклонением, считая его нормальным и правильным.

При анализе расхождений позиций пострадавших от терактов и приверженцев теории “стокгольмского синдрома” возникают два вопроса: почему поведение заложников считается ненормальным? почему сами заложники считают свое поведение правильным? При ответе на первый вопрос рассматривается структура взаимодействия трех групп: заложников, террористов и участников операции по освобождению. В общепринятой модели каждая из этих групп играет определенную роль: заложники исполняют роль жертвы, террористы – роль агрессора (то есть вражеской для заложников группы), участники спецоперации – роль спасителя жертвы (то есть дружеской

для заложников группы). В данном случае очевидно, что нормальным поведением заложников должно быть признано ответное дружелюбие в адрес освободителей и враждебность по отношению к террористам. Иными словами, критерием адекватности поведения заложников будет служить симметричность их ответа на действия двух других групп. Мы называем этот критерий “правилом взаимности”. Демонстрируя неприязнь к освободителям и терпимость к террористам, заложники нарушают “правило взаимности”, вследствие чего их поведение признается неадекватным.

Однако, как уже было сказано выше, сами заложники не согласны с такой оценкой. Чтобы понять причину этого несогласия, обратимся к интерпретации событий, которую предлагают бывшие заложники. Рассказы пострадавших от терактов показывают, что описанная ролевая модель взаимодействия террористов, заложников и освободителей чаще всего не соответствует действительности. Так, в ситуации штурма террорист обычно использует заложника в качестве “живого щита”, а освободитель стреляет в террориста. В результате заложник оказывается как бы “меж двух огней” и вполне может стать случайной жертвой спецоперации. То есть в данной модели (отражающей не роли, а действия участников) и террористы, и освободители представляют угрозу для заложника, следовательно, враждебны ему. Причем зачастую наиболее опасны действия освободителя, поскольку он стреляет в сторону террориста, в непосредственной близости от которого находится заложник. Применив к этой модели “правило взаимности”, мы обнаруживаем, что в данном случае нормальной (симметричной) реакцией заложника должна быть ответная враждебность по отношению к обеим опасным для него группам. Особую неприязнь в соответствии с “правилом взаимности” должен вызывать освободитель, поскольку именно он в ситуации штурма чаще всего представляет для заложника наибольшую угрозу.

Анализируя свидетельства пострадавших от терактов, можно также увидеть, что их поведение меняется в соответствии с поведением террористов и участников спецоперации. Так, заложники положительно отзываются о террористах, если те в ситуации штурма вместо того, чтобы использовать захваченных как “живой щит”, предлагают им, например, перейти в более безопасное место. Одновременно пострадавшие с благодарностью рассказывают об участниках спецоперации, если их действия соответствуют роли спасателей: когда они эвакуируют раненых заложников или закрывают их от ведущих огонь террористов. То есть, если действия террористов или освободителей становятся полезными и дружественными по отношению к заложникам, последние демонстрируют им свое одобрение.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что поведение заложников ненормально (асимметрично) лишь в ролевой модели взаимодействия групп. Тогда как в модели, отражающей не роли, а действия участников теракта, оно обычно соответствует “правилу взаимности”, представляя собой симметричный ответ на действия двух других групп (террористов и освободителей).

Бездействие сотрудников служб спасения. После крупных терактов с захватом заложников немало упреков высказывается в адрес сотрудников служб спасения. Так, после терактов в Москве и Беслане сотрудников МЧС и врачей “скорой помощи” обвиняли в том, что они действовали неорганизованно, прибыли к месту происшествия слишком поздно и в недостаточном количестве. Основанием для подобных обвинений послужило то, что при проведении эвакуации пострадавших из театрального комплекса на Дубровке и школы № 1 в Беслане врачи “скорых” отсутствовали у захваченных зданий, а сотрудники МЧС зашли туда лишь спустя продолжительное время после начала штурма. В Москве эта задержка составила примерно сорок минут, в Беслане – два часа.

Сотрудники служб спасения, не отрицая этих фактов, не считают, однако, критику в свой адрес оправданной. Рассказывая о происшедшем, все опрошенные спасатели утверждают: они оперативно и в нужном количестве прибыли на место происшествия как в Москве, так и в Беслане. Кроме того, по их словам, бригады “скорой помощи” в обоих случаях также находились на месте. Однако в Москве “скорые” не пропустили

за оцепление сотрудники силовых структур. Это было связано с тем, что, согласно алгоритму действий, установленному для врачей, работающих на терактах, они не имеют права входить туда, где существует опасность для их жизни, а по оценке военных угроза взрыва театрального комплекса на тот момент сохранялась. Этим же объясняется и отсутствие врачей рядом с захваченной школой в Беслане.

Что же касается регулярных задержек, с которыми сотрудники МЧС приступали к эвакуации пострадавших, то это также связано, с одной стороны, с профессиональными правилами, установленными для спасателей при работе на терактах, а с другой – с решениями представителей силовых структур. Так, согласно профессиональным правилам сотрудников МЧС, они могут заходить в захваченное здание только по команде военных. Военные же не должны давать им этой команды, пока для спасателей не будут созданы более или менее безопасные условия, то есть пока не завершится боестолкновение с террористами и не произойдет разминирование захваченных помещений.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что ни значительный временной зазор между началом штурма и эвакуацией пострадавших, ни фактическое бездействие некоторых служб спасения в ситуации теракта с захватом заложников не являются чем-то экстраординарным или ошибочным. Это связано, во-первых, с профессиональными правилами, установленными для сотрудников служб спасения на терактах, во-вторых – с оценкой ситуации (ее опасности/безопасности), производимой военными.

Не приводя далее разбор обвинений в адрес оставшихся трех групп–участниц теракта, изложу лишь общие результаты, полученные на первом этапе исследования. В целом проведенный анализ показал, что представители всех пяти рассматриваемых групп не считают критику в свой адрес оправданной, а поведение – ошибочным. Они объясняют его, с одной стороны, стратегиями других групп–участниц теракта, а с другой – своими ценностными и профессиональными нормами. Поскольку, с точки зрения групп–участниц теракта, действия, вызывающие нарекания, правомерны и повторяются от теракта к теракту, можно сделать вывод, что они закреплены и будут воспроизводиться в ситуациях терактов с захватом заложников.

Взаимоотношения участников теракта. Если на первом этапе анализа рассматривалось поведение каждой группы–участницы теракта в отдельности, то на втором – их взаимодействие друг с другом.

Разбор суждений представителей групп–участниц друг о друге, а также их рассказы о том, как развивались события, показывают, что между одними группами существуют дружественные связи, а между другими – враждебные. Группы, взаимоотношения которых дружелюбны, можно условно объединить в две враждебные по отношению друг к другу “коалиции”: в первую входят заложники, переговорщики-общественники и журналисты, во вторую – военные и сотрудники МЧС. Дружелюбие групп проявляется во взаимной поддержке (в частности, на терактах они часто стараются действовать в интересах друг друга), несогласии с критикой в адрес друг друга, сходных представлениях о главных приоритетах и предпочтительной стратегии при разрешении теракта.

Но если группы, входящие в одну коалицию, демонстрируют дружественное отношение друг к другу, то взаимоотношения представителей разных коалиций явно враждебны. Так, военные и спасатели полагают, что присутствие журналистов и переговорщиков-общественников на теракте излишне, а заложниками можно пожертвовать, если это необходимо для достижения победы над террористами. В свою очередь, заложники, переговорщики и журналисты считают, что к услугам военных и спасателей следует прибегать лишь в случае крайней необходимости, и если уж принимается решение о применении силы, жертвовать надо не заложниками, а участниками силовой операции. Кроме того, представители разных коалиций склонны критиковать друг друга и придерживаются взаимоисключающих понятий о том, как следует разрешать теракт. Если представители коалиции, объединяющей заложников, переговорщиков и журналистов, считают, что в ситуации теракта главное – спасение заложников, а

предпочтительная стратегия его разрешения – компромисс с террористами, то представители коалиции военных-спасателей полагают, что самое важное – победа над террористами, пусть даже ценой гибели заложников.

Помимо этого представители разных коалиций зачастую предпринимают в отношении друг друга враждебные действия. Так, сотрудники силовых структур нередко пытаются скрыть часть информации о происходящем от журналистов или сознательно дезинформировать их. Журналисты стараются добыть информацию, не санкционированную военными и представляющую сотрудников силовых структур с нежелательной для них стороны. Военные стремятся провести силовую операцию и пытаются помешать переговорщикам-общественникам добиться компромисса с террористами. Общественники и близкие заложников, в свою очередь, прилагают все усилия, чтобы помешать военным разрешить теракт силой и стремятся завершить его с помощью компромисса.

В целом проведенный анализ взаимодействия групп показал следующее: *взаимная неприязнь коалиций закреплена, враждебные дискурсы и действия воспроизводятся от теракта к теракту и обусловлены несовпадающими ценностными и профессиональными нормами групп*. Отсюда следует вывод, что неприязнь, существующая между участниками теракта, устойчива и будет возникать всякий раз, когда происходит теракт с захватом заложников.

Институционализированный конфликт

Итак, разбор критики в адрес групп–участниц теракта и их ответа на нее показал: представители критикуемых групп не считают поведение, вызывающее недовольство других участников теракта, ошибочным, так как их действия соответствуют профессиональным и ценностным нормам, принятым в группах, и повторяются от одного теракта к другому.

Анализ взаимоотношений групп–участниц теракта продемонстрировал устойчивость двух враждебных коалиций, участники которых придерживаются взаимоисключающих представлений о том, каким образом необходимо разрешать теракт и каковы при этом главные приоритеты. Вместе с тем представители разных коалиций демонстрируют неприязнь по отношению друг к другу, выражающуюся в критике участников “чужой” коалиции и обоюдных враждебных действиях.

Обобщая результаты, полученные в ходе проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что между группами–участницами теракта “на этой стороне” существует институционализированный конфликт, то есть устойчивый конфликт, воспроизводящийся всякий раз, когда происходит теракт с захватом заложников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борьба с терроризмом. М., 2004.
Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5.
Витюк В.В., Эфиоров С.А. Левый терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.
Иванов А.И., Иванов В.Г. Терроризм: политика, практика, идеология. М., 1983.
Кемов А.В., Москвин В.И., Павлов С.Л. Терроризм – орудие империализма. М., 1982.
Латов Ю.В. Экономические основы терроризма // Общественные науки и современность. 2007. № 5.
Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1986.
Непесов М.М., Сапрыков В.М. Современный терроризм: социальные истоки, цели, проявления. М., 1984.
Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом. М., 2006.
Поликанов Д.В. Российское общественное мнение о проблеме терроризма // Социологические исследования. 2006. № 2.
Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.
Тепер Е.М., Чубинский В.В. Терроризм – орудие империализма. М., 1983.

- Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003.
Терроризм и религия. М., 2005.
Яновский К.Э., Шульгин С.Г. “Золотая середина” в борьбе с террором // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5.
Aron R. Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1962.
Crozier B. The Rebels. A Study of Post-War Insurrections. London, 1960.
Gurr T.R. Why Men Rebel. New Jercey, 1970.
Lagueur W. Terrorism. London, 1977.
Thornton T.P. Terror as a Weapon of Political Agitation // *Internal War. Problems and Approaches*. London, 1964.
Walter E.V. Terror and Resistance. A Study of Political Violence with Case Studies of Some Primitive African Communities. New York, 1969.

© К. Григорьева, 2009